DOI: 10.47026/2712-9454-2021-2-4-102-112

УДК 39(=512.111)(091)
ББК Т51(2)4(=635.1)-3

В.Г. РОДИОНОВ

ТВОРЧЕСТВО СПИРИДОНА МИХАЙЛОВА (ЯНДУША) И КАРТИНА МИРА ЧУВАШСКОГО ЭТНОСА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Ключевые слова: *чувашский этнос, картина мира, этническая константа, чувашская литература, Новое время.*

Картина мира чувашского этноса – это сформировавшиеся на основании этнических констант и культурно-ценностных доминант представления человека о мире. Будучи специфичной для каждой культуры, она создала у своих носителей иллюзию объективности. Чувашская картина мира различна в разные периоды жизни этноса, но благодаря этническим константам их структура в своем основании остается прежней. В чувашском мифологическом пантеоне XVIII в. главными образами покровительствующих сил являлись обитающий на небе Бог и обитающий на земле царь, а образами противодействующих сил – земные злые духи и переселившиеся в чувашские деревни церковнослужители. В XIX в. данная картина меняется: к Богу приблизился мифологический персонаж Пӳлĕхçĕ, который трансформировался в образ, имеющий возможность навредить человеку, не довести до него назначенное Богом добро. Такие трансформации в мифологическом пантеоне произошли из-за изменения образа врага в социокультурном пространстве чувашского мира. Все эти процессы хорошо отображены в научных трудах и произведениях Спиридона Михайлова (Яндуша).

В настоящей статье мы намерены хотя бы контурно показать этническую картину мира чувашского народа 40–50-х гг. XIX в., когда жил и творил Спиридон Михайлов (Яндуш, 1821–1861), писатель и этнограф периода чувашского предпросветительства. Основным материалом для исследования послужили его биографические данные, а также созданные им литературные произведения и научные труды. К сожалению, в данном аспекте они не рассматривались как этнологами и этнографами, так и литературоведами. Лишь историк В.Д. Димитриев в «Предисловии» «Собрания сочинений» Спиридона Михайлова [6. С. 17–22] затрагивал некоторые этнологические проблемы, обозначенные в трудах вышеназванного ученого. Например, изложена позиция С. Михайлова по вопросу происхождения чувашского народа, а также перечислены межэтнические контакты чувашей со своими соседями. В примечаниях В.Д. Димитриев изложил скрытую от глаз исследователей причину так называемого Акрамовского восстания 1842 г., которое было спровоцировано, как мы доказываем в последующих страницах, когнитивными артефактами. Более разносторонне изучено творчество С. Михайлова (Яндуша) в коллективной монографии «История чувашской литературы XVIII–XIX веков» (2020) [3. С. 147–159], в которой оно освещено в аспекте не только художественно-поэтических, но и общественно-социальных, а также этнических проблем. По убеждению ученого и писателя, «мощь и сила чувашского народа обратно пропорциональны историческому времени: чем древнее, тем вольнее и полнокровнее его жизнь. В настоящем нищенствующий, “живший в невежестве” народ в прошлом был “могущественным”,

его герои яростно нападали на русских, пленили приближенных людей казанского хана и совершали храбрые поступки» [3. С. 150]. Писателем показаны такие бессознательные образы (они создаются этническими константами, т.е. бессознательными комплексами, складывающимися в процессе адаптации этноса к окружающей природно-социальной среде, и в сознании члена этноса всплывают в виде максимально конкретизированных представлений или объектов [4. С. 291]), как «источник добра», «источник зла», «образ покровителя», «образ врага», «образ “мы”», «образ поля действия», «образ условия действия» и т.д. Но эти трансформированные в реальность бессознательные образы в коллективной монографии не развернуты, не интерпретированы с точки зрения теоретических положений исторической этнологии.

Словосочетанию «этническая картина мира» в учебном пособии «Историческая этнология» С.В. Лурье дала такое определение: сформировавшиеся на основании этнических констант и культурно-ценностных доминант (они определяют поведение человека, во многих случаях бессознательны) представления человека о мире. Этнические константы одновременно провоцируют человеческую активность в мире, направляют ее и предопределяют восприятие мира. Это своего рода когнитивная схема, которая охватывает целостный образ мира, отражая взаимоотношения его объектов. Но, будучи специфичной для каждой культуры, она не может претендовать на объективность, она может создавать у своих носителей иллюзию объективности картины мира [4. С. 292]. Этническая картина мира не является неизменной. Она различна в разные периоды жизни этноса и для тех или иных групп внутри этноса. Это связано с различиями в культурно-ценностных доминантах [4. С. 298]. По ходу изменения жизни социокультурной системы, по мере изменения культурных, экономических и политических условий, в которых человек живет, меняется и тот внешний опыт, который народ должен воспринимать и упорядочивать. «Картины мира будут сменять друг друга, – излагает свою концепцию С.В. Лурье, – но благодаря этническим константам их структура в своем основании будет оставаться прежней. Один интенциональный мир сменит другой, но общая их подоплека останется прежней, внелогической, построенной на тех же культурных константах в той же их диспозиции, сохраняется тот же скелет культуры, только “мясо”, которое покроет этот скелет, будет уже другим. Конкретное наполнение этих парадигм может меняться, и тогда возникают новые модификации образа мира» [4. С. 293–294].

Для определения особенностей этнической картины мира периода жизни и творчества Спиридона Михайлова в первую очередь следует выявить бессознательные образы чувашского этноса, которые запечатлены в произведениях вышеназванного писателя и ученого в модусе конкретных персонажей и героев.

Образ покровительствующей силы (покровителя, защитника)

Для чувашей, основное занятие которых было земледелие, главными покровителями были следующие мифологические персонажи: *Турă / Торă* «Бог небесный» и *патша* (позднее заимствование из татарского языка; более ранний вариант – *ĕмпӳ*) «Государь, владычествующий над людьми». В зафиксированной С. Михайловым песне, исполняемой в честь нового урожая (в благодарность за новый хлеб), названы *Торă*, *Пӳлĕх* и *патша*. Значение второго термина в очерке К. Мильковича (1783) объяснено так: «[…] он (*Кепе*. – *В.Р.*) обитает в небесах и имеет у себя двух вестников, или служителей, *Пӳлĕхçĕ* и *Пихампар*, из которых *Пӳлĕхçĕ* посылает он на землю назначать рожденным младенцам

участь и записывать даваемые им по рождению от юмзей имена; сей его служитель по исполнении возвращается на небеса и *Кепе* или судьбе возвещает» [5. С. 53]. По предположению Н.И. Ашмарина, в Волжской Болгарии термин *Пӳлĕхçĕ* использовали «для обозначения лица, заведующего частью страны или частью войска», «откуда путем метонимии это слово было перенесено на самого феодала и потом перешло в область народных верований» [1. С. 186, 242]. В процессе разрушения чувашской мифологической системы после массовой христианизации народа утвердилось следующее изречение: «*Турă парсан та, Пӳлĕхçĕ пӳрмесен, ырă курма çук*», т.е. «хотя Бог и назначит какое-либо добро, но если *Пӳлĕхçĕ* не присудит, то того добра не видать». Появление ложной этимологии термина (от глагола *пӳл-* со значением «помешать, загородить») послужило усечению конца слова *Пӳлĕхçĕ* (> *Пӳлĕх*) [1. С. 180]. Таким образом, данный образ трансформировался в образ, имеющий возможность навредить человеку, не довести до него назначенное Богом добро. По этой причине этот измененный в XIX в. образ можно отнести как к благим, так и к причиняющим зло силам.

Приведем первую строфу записанного С. Михайловым текста обрядовой песни, исполняемой в благодарность за новый хлеб (в современной орфографии; / – границы строк): «*Ăрахмат Торра, ăрахмат Пӳлĕхне./ Ăрахмат Торра, патшана! / Çӳлте Торă, Çĕрте патша пăхать пире. / Торăпа патша тивлечĕпе ĕçетпĕр те çиятпăр. / Ăрахмат, Торă! Ăрахмат, Пӳлĕх!*» («Слава Богу, слава небожителю! / Слава Богу и Царю! / На небе Бог, на земле Царь управляет. / По щедрости Бога и Царя мы пьем и едим. / Слава Богу, слава небожителю» [7. С. 93]). (Перевод автора записи).

В вышеупомянутом очерке К. Мильковича «Быт и верования чуваш[ей] Синбирской губернии» описаны функции *Çӳлти* («обитающий на небе») *Торă* и *Çĕрти* («обитающий на земле») *Патша*: «О творце разумеют они, что он подает им хлебородие, одождевает их поля и всякое счастие ниспосылает […]. Государю приписывают они всех благодеятельствующих божеств свойства, как то: некоторые свойства бога высшего, бога света, солнца, судьбы, бога благодеяния, бога изобилия, бога предписателя участей, бога покровителя в водах утопаемых и прочих, а потому и жертвы как с богом вышним, так и с другими, с каждым соединенно Государю они приносят. Молитвы же творят, во-первых, призывая вышнего, во-вторых, Государя, а потом по порядку и прочих благотворных богов употребляют. Но о Государе воображают они, что он послан, будучи от бога вышнего с небес для управления землеродных, и, имея навсегда с ними пребывание, сделался божеством земным и смертным» [5. С. 52–53]. Здесь *Пӳлĕхçĕ* со значением «предписатель земнородных участей» размещен на восемнадцатом месте [5. С. 50]!

Не вдаваясь в подробности такой иерархии благих божеств, следует отметить, что последний мифологический персонаж раздавал новорожденным счастливые или же несчастные судьбы. Но почему данный образ в XIX в. так резко приблизился к самому первому лицу в пантеоне благих божеств, а в начале XX в. он стал синонимом самого *Турă,* например, в поэме «Нарспи» К. Иванова (Кашкыра) (по проблеме этнического бессознательного подробнее см.: [8. С. 200–220])? Здесь мы имеем свое объяснение и связываем такую семантическую трансформацию *Пӳлĕхçĕ* с изменением некоторых образов чувашской картины мира, о чем будет сказано ниже.

Далее следует привести перевод остальных строф обрядовой песни, исполняемой на жертвоприношении Богу и царю пива из нового урожая зерна (в переводе С. Михайлова же): «Благодарность земледелию. Да поможет Бог при земледелии! От даров земледелия мы это едим и пьем. Благодарность за дома и за жилища наши! Если будем иметь их, весело будем жить, не будем иметь нужды. С теперешним жилищем да сбережет нас Бог! Благодарение и вам, детушки, и за вас Богу! С детьми если будем жить, и самим достанет, и царю служить можем. С добрыми детьми да сохранит бог! Спасибо и сожителям нашим, и родственникам, и всем знакомым товарищам! Вместе есть и пить и вместе жить да будет удобно и возможно! Без соседей, без родственников и приятелей жить нельзя, а с ними жить лучше. Благодарность вам, соседи, родня и приятели» [7. С. 94].

За новый урожай чуваш благодарил не только Бога и царя, но и «предписателя земнородных участей» *Пӳлĕхçĕ*, *ака-соха* «земледелие», *кил-çорт* «жилище», *кил-вот* «домашний очаг, т.е. семью», детей, односельчан, родню и просто знакомых. Все они причастны к удачному урожаю домохозяина, поэтому все достойны благодарения. Это и есть круг покровителей и помощников чувашского крестьянина, иерархия по степени их значимости (ценности).

Для С. Михайлова (Яндуша), глубоко верующего православного россиянина, Бог и царь тоже были главными покровителями, что хорошо отражено в его произведениях. В написанной к концу жизни автобиографии имеется ряд фактов, подтверждающих наше предположение. На сырной неделе 1829 г. отец отвез будущего писателя и ученого в Козьмодемьянск к купцу Михееву учиться русской грамоте. В продолжение поста прилежный ученик выучил церковную азбуку со всеми молитвами и кратким катехизисом. «Утешительно было для меня, – вспоминал Спиридон Михайлович в сентябре 1860 г., – что я умел читать молитвы, в особенности богородичные, которые часто повторял со слезами, забившись на печь. Теперь еще живы некоторые свидетели моего детства и пламенных моих молитв. После пасхи наставница моя стала меня учить псалтырю, который я выучил к осени […]» [7. С. 351]. Дом купца Михеева стоял, по сообщению автора, почти рядом с приходской Богоявленской церковью, в которую чувашский мальчик любил ходить к божественной службе в воскресенье и праздничные дни. В молитвах он просил господа бога не оставить его в прискорбной жизни, просил открыть ему «познание святого закона» [7. С. 352]. Летом 1833 г. во время святительской службы архиепископа Казанской епархии Филарета одиннадцатилетний Спиридон захотел отправиться в Казань за преосвященнейшим архиереем, для усовершенствования своих познаний. «И жалею теперь, – переживал писатель и ученый через 27 лет, – что сам не явился к нему в бытность его в Козмодемьянске: он любил детей инородцев и не оставил бы меня в моей крайности. Но я был тогда ребенок и не имел догадки искать покровительства у чадолюбивого архипастыря» [7. С. 353].

Главным земным покровителем для С. Михайлова (Яндуша), как и для простых чувашей, был царь. В этом отношении весьма интересен один факт. Летом 1836 г., чтобы увидеть Николая I, проезжающего г. Чебоксары на корабле, он, помощник писаря Большешатьминского волостного правления, вместе с товарищами преодолел около ста километров туда и обратно. В оригинальном стихотворении, приложенном к статье «Верноподданническая любовь к государю, оказанная крестьянином-рыбаком Труневым», имеются такие же образы покровительствующей силы, что и в чувашском устном творчестве

(хотя образы Бога в фольклоре и в произведении поэта имеют различные культурно-исторические корни):

Страна Запада просвещенна!
Мы, финны, не видим тебя.
У нас в очах одна Русь священна,
Влекущая к царю любя.

Вы громкого сыны Запада!
Воззрите же, как русский мужик
Любит Христа Господа
И земных своих владык... [6. С. 44].

Образы покровителя (Бога) в фольклоре и в произведении поэта имеют различные культурно-исторические корни, они различны из-за изменившегося внешнего опыта, который народ должен воспринимать и упорядочивать. Официальное название новой религии и ее содержание хотя и изменились, былое представление о Боге сохранилось почти таким же, включая и фонетическое звучание термина (*Турă* «название Бога чувашской народной религии» > «чувашское название Бога православной религии»). Такая трансформация образа покровительствующей силы не смогла повредить этническим константам чувашского этноса.

Образ противодействующей силы (врага, источника зла)

В чувашском фольклоре и мифологии главным антигероем является, как принято считать, *Шуйттан*, который, хотя и имеет злое начало, в отличие от христианского Дьявола менее хитер, даже туповат. Данный термин в чувашский язык проник через мусульман примерно в XIV в., но так и не стал достойным соперником *Турă.* В ходе развития исконного мифа о близнецах антиподом Бога, прогнанным им с неба, сложился образ *Киремет* (слово арабского происхождения), при обращении к нему чуваши называли его *Ырă* (др.-тюрк. *arï-* «очищаться»; *arïɣ* «чистый, незагрязненный» [9. С. 474]). В XVIII в. данный мифологический персонаж трансформировался, не без содействия христианских миссионеров, в главного символа злого начала. Две особенности Киремети (причиняет вред только чувашам, по внешности похож на татарина или русского, разъезжающего в карете) указывают на внеэтнические истоки данного трансформированного образа. В поздних сказках (бытовых) появляется новых герой (поп), который наделяется некоторыми качествами трикстера. Таким образом, под воздействием этнических констант реальная действительность первой половины Нового времени в сознании членов чувашского этноса была, как и следовало ожидать, искажена, в результате чего у них сложилась иллюзия объективности картины мира [4. С. 292].

В период жизни и активного творчества С. Михайлова (Яндуша) в чувашской картине мира складывается новый образ противодействующей силы, который наделен талантом хитрости. Например, в очерке Василия Лебедева (он родился в 1813 г. в с. Штанаши Курмышского уезда Симбирской губернии, что ныне находится в Красночетайском районе ЧР) «Симбирские чуваши» (1850) показан ловкий волостной писарь (чув. *тияк* < рус. *дьяк* «государственный служащий, начальник органа управления», «письмоводитель»), который путем обмана находит вора. Подобные разновидности быличек появились не без воздействия мотива «на воре шапка горит», широко распространенного в русском фольклоре. В стихотворении с условным названием «*Пирĕн телей*»

(«Наше счастье», 1851) В. Лебедев представляет волостного писаря в совершенно ином ракурсе (русский перевод автора стихотворения):

В грусти, в горе и в несчастье
Мы бежим скорее к Торе:
В киремети закалаем
Молодых телят, коров,
Чтобы Тòра дал здоровья,
Чтобы Тòра дал нам счастья.
Мы не знаем ни писать,
Не умеем и читать;
Мы к священнику бежим:
«Что нам делать при несчастье?
Что же дьякам поднести?»
Так живем мы и доселе,
Так мы видим свое «счастье»;
А во рту у нас табак.
Что поделать – наше «счастье»!
Есть у нас домашний скот:
Кони, свиньи, куры, пчелы,
Овцы, гуси и быки,
Утки, яйца, молоко;
Ешь, чуваш, свой черный хлеб,
А скотину продавай;
Скопишь ты побольше денег,
Дьякам коль придет беда.
Ешь, чуваш, свой черный хлеб.
Что поделать – наше «счастье»! [3. С. 145–146]

Здесь иронический стиль В. Лебедева насыщен сатирическими моментами, что заставляет читателя восстать против фаталистического утверждения лирического «я». Лейтмотив произведения развивается путем противопоставления *хуйхă* (несчастье, беда, горе) и *телей* (счастье) чувашского народа. Все его беды и несчастья связаны, как полагает лирический субъект, с верой в *киремет*, а также с его необразованностью, из-за чего его легко обманывают сельские писари и т.п. Бедные чуваши недоуменно вопрошают: «Что нам делать при несчастье, / Что же дьякам поднести?». Доля чуваша при множестве домашнего скота и птицы довольствоваться одним черным хлебом и горьким дымом махорки. «Много будет у тебя (чуваша. – *В.Р.*) денег, – саркастически замечает лирический «я», – когда придет беда к писарям». Но дождутся ли чуваши этого времени – ответа в произведении читатель не находит [3. С. 146].

О бесчинстве местных властей писал и С. Михайлов (Яндуш). Например, в рукописи его статьи, отправленной в Русское географическое общество под грифом «секретно» (19 марта 1856 г.), имеется следующий многозначительный абзац: «Что местные власти дурно управляют чувашами и во зло употребляют благонамеренные распоряжения правительства, то этому примеров было довольно и изъяснять их не для чего, ибо как в прежние, так и нынешние годы наряжаемы были по жалобам инородцев неоднократно особые комиссии для открытия главных виновников зла, которые комиссиями были открываемы и передаваемы суду. В последний раз была подобная комиссия в 1848–1849 гг.

в лице состоящего при Министерстве государственных имуществ коллежского советника Ордынского с жандармским советником из Санкт-Петербурга. Но за всем тем должно сказать, что писари и старшины чуваш[ей], близкие им по службе, пользуясь их трусливостью, вместо защиты от их притеснения и водворения между ними добрых нравов, являются сами *первыми притеснителями и бывают примером для разврата*, отчего в подчиненных им чувашах теряют всякое к себе доверие и *заставляют смотреть на себя как на врагов* (выделены нами. – *В.Р.*). Не говорю уже здесь о лицах, занимающих высшие инстанции...» [6. С. 177].

Далее вспомним некоторые диалоги из произведения С. Михайлова (Яндуша) «Разговор на постоялом дворе» (1859):

«– У вас здесь народ барский или вольный?

Старуха: Нету, все вольной, да все орда, чуваши.

–- Разве чуваши народ не бойкий?

Старуха: Вот ты нашел еще бойких. Их недаром зовут трусами: “чуваш – юваш”. С кого же брать деньги, как не с них. В нынешнее лето писаря на порядках посбирали с них калым.

– За что?

Старуха: По умышленному-то набору. Застращали их, бедных, как овец: с кого 10, с кого 20, а с кого 30, с кого 50, а с иного сорвали и по 100 целковеньких. Недаром говорят, что наш голова отправил несколько тысяч в ломбард.

– А кто ваш голова, ведь, такой же чувашин?

Старуха: Нет, родимый, не такой чувашин, а из городских мещан; был прежде писарем, да записался в крестьяне, в чувашскую деревню, да и сделался головой, да и стал пуще прежнего всех надувать. Прежде были головы из чуваш, не умели так плутовать. Где чувашину так обманывать!

– Есть ли у вас еще такие головы?

Старуха: Коли нет. Таких плутов ведь любят. Ныне в чувашах все такие головы поделаны, чтобы с живого шкуры драть. Нет житья от них бедным чувашам» [7. С. 337].

Не простой же народ любит таких плутов, а лица, занимающие должности в высших инстанциях! Писать о последних, как совершенно верно замечает В.Д. Димитриев, в те годы «было небезопасно» [6. С. 465]. С. Михайлов находит решение назревшего конфликта в просвещении простого народа, а также в защите и покровительстве его «от стеснительных действий волостных и сельских начальников» [6. С. 180]. Как известно, новая, дополнительная система управления государственными крестьянами (введение параллельного окружного управления) в 1839–1843 гг. привела к тому, что «количество чиновников, управляющих чувашскими крестьянами, увеличилось вдвое. Акрамовская война 1842 г. была направлена против введения нового управления» [6. С. 470].

В мае 2022 г. исполняется 180-летие со дня крупнейшего восстания чувашского крестьянства в 1842 г. против царизма. Еще в год векового юбилея в Чувашском государственном издательстве был издан сборник архивных документов по крестьянскому движению среди чувашей в XIX в. [2]. В нем опубликовано всего 115 документов, которые убедительно доказывают усиление в том столетии крепостнического и национального гнета самодержавия среди нерусских народов Поволжья. Для наглядности ознакомим читателя с отдельными пунктами донесения симбирского жандармского полковника Маслова шефу

жандармов графу Бенкендорфу от 11 августа 1831 г.: «Причины, по которым народ сей (чувашский. – *В.Р.*) более подвержен угнетению, нежели русские, суть следующие:

1. Опыты всех времен доказывают, что легче всего управлять народом невежественным, нежели получившим хотя малейшее просвещение истинное, и сколько нужно и должно поселянину; на основании сего правила начальствующие чувашами всеми силами способствуют дальнейшему распространению невежества: даже самый благонамеренный исправник есть бесполезный начальник над народом, если он занимается только одной расправой и следственными делами. […] Чуваши – они не токмо, чтобы иметь какое-либо понятие о законах русских, но даже и говорят немногие по-русски, так чтобы можно было их понимать без собственного их же истолкования; с таким недостатком, что значит честный чувашин при следствии, перед судьей своекорыстным, все равно, что безгласная овца; его словам дают такой оборот, какой нужен следователю; руку за него прикладывает церковнослужитель, обязанный держать руку следователя потому, что и сам имеет с ним равное ремесло […]

4. Чувашский народ до сего времени погружен еще в крайнее невежество; но он от природы добр, бескорыстен, миролюбив; сделанная ему малая услуга обязывает его на целую жизнь благодарностью; трудолюбие его доказывается великим количеством вывозимого на пристани волжского хлеба. С таковыми качествами народ сей должен бы благоденствовать, если бы не был отдаваем в управление таких начальников, которые не лучшее имеют к нему уважение, как к вьючному скоту. Русский крестьянин никогда бы не дал так себя притеснять, он лучше умел бы объясниться на своем языке о том, что ему нужно; чувашин же есть внутри России иностранец […]

Как поступают чиновники с чувашами в случае открывающихся дел, и какие употребляют способы к собиранию с них денег […]

4. Объявится ли рекрутский набор, – тут волостным писарям, как посредникам между народом и земской полицией, открывается удобный случай брать деньги с народа […] Где такой бедняк может найти себе защиту? Судья есть его притеснитель, писарь – истинный тиран […]

5. Случится ли пропажа лошади в каком-либо селении и понятые, шедши по следам оной, придут в другое селение, к которому хотя и след вел, но пропал. Лошадь не отыскана, но писарь, по введенному противозаконному обычаю, тотчас собирает от рубля, и иногда до пяти рублей с души за не отвод поселянами следа […]

6. Ужасное лихоимство поселилось и в самом духовенстве. Поступки большей части церковнослужителей с чувашами не лучше писарских и судейских. Для них смерть чувашина, особенно богатого, умершего без исповеди или причастия, есть хлебное дело. За похороны такого покойника берут от 10 до 100 рублей, угрожая, в случае неплатежа, донести начальству, которое должно приехать с лекарем, дабы разрезывать мертвеца […].

7. Свадьба у чувашей есть также источник доходов судейских и священнических […] Возмущаемый в самых естественных побуждениях своих служителем алтаря, угнетаемый своими начальниками, чувашенин ожесточается сердцем, делается нечувствительным и хладнокровным ко всему его окружающему; он беспрекословно выполняет прихоти всякого подъячего, рассыльного, проезжего. Не уверен в своей собственности и личной безопасности. Какие он должен иметь мысли о господствующем народе и религии, недавно

принятой, видя такие поступки светских и духовных судей своих? […]» [2. С. 23–31].

Такова была действительность в окружении чуваша 30–50-х гг. XIX в. Образы покровителей (благодетелей) и врагов простого чувашского крестьянина из реальной жизни (царь – чиновники местной власти – простые чуваши-крестьяне) перешли мифологический мир (Бог – Пӳлĕхçĕ – чуваши-земледельцы). Не случайно же в обрядовых песнях рядом с Богом чуваши ставили *Пӳлĕхçĕ* (> *Пӳлĕх*), который, как мы уже отметили, в XIX в. получил полномочие не исполнять предписания самого *Турă*. Так отразились правительственно-административные отношения в Чувашском крае в сознании и бессознательных образах картины мира чувашского этноса.

Этнические константы чувашей задают такую адаптационную схему, которая, как и у финнов, «строится на более или менее четкой локализации злого начала вне пределов себя, своего этноса» [4. С. 308]. Мы в своих статьях писали, что этнические константы чувашского народа формировались в период сложения Казанского ханства на основе противопоставления «другому» (мусульманско-кыпчакскому). В итоге в чувашской картине мира образ татарина слился с образами «чужого», зла, врага [8. С. 196–197]. После массовой христианизации чувашей «чужими» в чувашской деревне стали русскоязычные церковнослужители, которые в период Пугачевского бунта, с разрешения русских же бунтовщиков, десятками были повешены своими же прихожанами. В XIX в. для чувашских общинников (*ял халăхĕ*) ненавистными врагами стали чиновники местной власти (*кантур çыннисем*, *тӳре-шара*). Так как тогда в волостных правлениях, тем более в губернских органах власти, работали чиновники иноэтничного происхождения, злое начало в чувашской картине мира располагалось, следует полагать, вне пределов своего этноса [4. С. 471]. Это подтверждают и труды С. Михайлова (Яндуша), в которых писатель и ученый где иносказательно (например, в произведении «Разговор на постоялом дворе»), а где и открыто указывал на настоящих прототипов образов зла и врага чувашского народа. Его творения остаются ценным источником для дальнейшего изучения картины мира этноса.

Литература и источники

1. *Ашмарин Н.И.* Чувашская народная словесность: Исследования. Автобиография, воспоминания. Письма / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 410 с.

2. Восстание чувашского крестьянства в 1842 году // Сборник архивных документов / сост. П.Г. Григорьев и Р.С. Семенова. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1942. 283 с.

3. История чувашской литературы XVIII–XIX веков: коллективная монография / ЧГИГН. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. 296 с.

4. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. 624 с.

5. *Милькович К.* Быт и верования чувашей Симбирской губернии (Из записок уездного землемера Мильковича, 1783 г.) // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Т. XXII. Вып. 1. 1906. Казань: Типолитограф. имп. ун-та, 1914. С. 38-60.

6. *Михайлов С.М.* Собрание сочинений / сост. и предисл. В.Д. Димитриева. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 510 с.

7. *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов / сост. и предисл. В.Д. Димитриева; Чуваш. НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1972. 423 с.

8. *Родионов В.Г.* Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике / ЧГИГН. Чебоксары, 2017. 324 с.

9. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. 2. С-Я / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. 509 с.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vitrod1@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-0143-7952).

Vitaliy G. RODIONOV

CREATIVITY OF SPIRIDON MIKHAILOV (YANDUSH) AND THE WORLDVIEW OF THE CHUVASH ETHNOS IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY

Key words: *the Chuvash ethnos, worldview, an ethnic constant, the Chuvash literature, Modern times.*

The worldview of the Chuvash ethnos is a person's idea of the world formed on the basis of ethnic constants and cultural-value dominants. Being specific to each culture, it created the illusion of objectivity in its bearers. The Chuvash worldview is different in different periods of the ethnos' life, but thanks to ethnic constants, their structure remains the same at its base. In the Chuvash mythological pantheon of the XVIII century, the main images of the patronizing forces were the God who dwells in heaven and the king who dwells on earth, and the images of the opposing forces were earthly evil spirits and churchmen who moved to the Chuvash villages. In the XIX century, this image changes: a mythological character Pulekhse approached the God, who transformed into the image that has the ability to harm a person, and not bring God-appointed good to him. Such transformations in the mythological pantheon occurred due to a change in the image of the enemy in the socio-cultural space of the Chuvash world. All these processes are well reflected in the scientific works and works of Spiridon Mikhailov (Yandush).

References

1. Ashmarin N.I. *Chuvashskaya narodnaya slovesnost': Issledovaniya. Avtobiografiya, vospominaniya. Pis'ma* [Chuvash folk literature: Research. Autobiography, memories. Letters]. Cheboksar, Chuvash University Publ., 2003, 410 p.

2. *Vosstanie chuvashskogo krest'yanstva v 1842 godu* [The uprising of the Chuvash peasantry in 1842]. In: *Sbornik arkhivnykh dokumentov* [Collection of archival documents]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1942, 283 p.

3. *Istoriya chuvashskoi literatury XVIII XIX vekov: kollektivnaya monografiya* [The history of Chuvash literature of the 18th – 19th centuries: collective monograph]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2020, 296 p.

4. Lur'e S.V. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Moscow, Akademicheskii Proekt, Gaudeamus Publ., 2004, 624 p.

5. Mil'kovich K. *Byt i verovaniya chuvashei Simbirskoi gubernii (Iz zapisok uezdnogo zemlemera Mil'kovicha, 1783 g.)* [Life and beliefs of the Chuvash in the Simbirsk province (From the notes of the county surveyor Milkovich, 1783)]. In: *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri imperatorskom Kazanskom universitete. T. XXII. Vyp. 1. 1906* [News of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University, vol. XXII, issue 1, 1906]. Kazan, 1914, pp. 38–60.

6. Mikhailov S.M. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2004, 510 p.

7. Mikhailov S.M. *Trudy po etnografii i istorii russkogo, chuvashskogo i mariiskogo narodov* [Works on ethnography and history of the Russian, Chuvash and Mari peoples]. Cheboksary, 1972, 423 p.

8. Rodionov V.G. *Chuvashskii etnos: issledovaniya po etnologii i mifopoetike* [Ethnos: research on ethnology and mythopoetics]. Cheboksary, 2017, 324 p.

9. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t. T. 2. S–Ya*. [Etymological dictionary of the Chuvash language. 2 vols. Vol. 2: S–Ya]. Cheboksary, 1996, 509 p.

VITALIY G. RODIONOV – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chuvash Philology and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vitrod1@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-0143-7952).

Формат цитирования: *Родионов В.Г.* Творчество Спиридона Михайлова (Яндуша) и картина мира чувашского этноса середины XIX века // Исторический поиск / Historical Search. – 2021. – Т. 2, № 4. – С. 102–112. DOI: 10.47026/2712-9454-2021-2-4-102-112.